

Tanz statt Werkunterricht

Wer von den Schülern würde nicht anstellen des langweiligen Werkunterrichts Tänze bevorzugen? Leider haben diese Möglichkeit nicht viele. Es klappte in diesem Sinne nur den Schülern der Mittelschule Nr. 45 von Karaganda.

Die Idee der Schaffung einer Musikschule gehört der Schuldirektorin Galina Lyssenko. Auf den ersten Blick ist hier alles wie in einer üblichen Mittelschule: Mathe- matik, Chemie und Physik; daneben gibt

es hier aber noch Musik- und Tanzunterricht. Die Kinder haben eine große Auswahl: man kann Knopfgriff- und Pianoakkordeon, Flöte oder Klavier spielen lernen.

In der 1. Klasse, wo Rosa Braun unterrichtet, gibt es noch ein von den Kindern sehr beliebtes zusätzliches Fach—Rhythmus.

Mit großem Vergnügen beschäftigen sich die Kinder mit Musik und Tanz. Sie profilieren dabei viel für ihre ästhetische Bildung. Außerdem gibt die Beendigung dieser Schule ein Vorrecht beim Eintreten in Musikfachschulen unserer Republik", erzählt die Lehrerin Braun. Das ist die Meinung eines erwachsenen Menschen. Und was denken davon die Kinder selbst?

Anetta Meshakowa, Schülerin der 3. Klasse: „Den Tanzunterricht besuchte ich erst unlängst, aber er gefällt mir sehr. Neben der allgemeinbildenden Schule besuchte ich noch die Sonntagsschule, wo wir auch tanzen lernen; das sind aber deutsche Volkstänze, das ist sehr interessant.“

Natascha Engel, Schülerin der 5. Klasse: „Den Tanzzirkel besuchte ich schon das fünfte Jahr. In dieser Zeit hat Rosa Alexadrowna uns verschiedene Tänze beigebracht, darunter die von nur sehr beliebte Quadrille, den „Wecker“, „Freundinnen“. „Die Tänze sind für mich wie Arbeit, die ich mit Vergnügen mache. Ich träume mal davon, Schauspielerin zu werden, darum sind der Tanz- und der Musikunterricht der erste Schritt zur Erfüllung dieses meines Traumes.“

Angelina RICHTER

Karaganda

Fotos: Archiv

Was ist schon lange fertig,
und wird doch täglich gemacht.

(das Bett)

Ich möchte hören ob ihr kennt
den Vogel, der sich selber nennt.

(der Kuckuck)

Eingesandt von W. Bartuli

Rätsel

Ich habe schwarze Zähne,
und beiße nicht damit.
Ich gehe auf und nieder,
und mache keinen Schritt.

(die Seege)

Märchen

Die Erde nimmt sich das Ihre

Es lebte einmal eine Witwe, die hatte einen einzigen Sohn. Als der Knabe heranwuchs, sah er, daß seine Gefährten alle einen Vater hatten, nur er konnte niemanden so nennen. „Warum haben alle einen Vater, nur ich nicht?“ fragte er seine Mutter, und sie antwortete ihm: „Dein Vater ist gestorben“. „Was bedeutet gestorben? Kommt er dann nie mehr zu uns?“ „Er kommt nie mehr zu uns, wir aber werden alle einmal dort sein, wo er ist“, erklärte ihm die Mutter. „Dem Tod kann niemand entgehen.“ Da sagte der Junge: „Ich habe niemanden um mein Leben gebeten, wenn ich aber lebe, dann will ich nicht sterben! Ich will in die weite Welt hinausziehen und einen Ort suchen, wo man nicht zu sterben braucht.“

Die Mutter bat ihn inständig, sie nicht zu verlassen, doch der Sohn hörte nicht auf sie und machte sich auf den Weg, um den Ort zu finden, wo man nicht zu sterben braucht. Er durchwanderte das ganze Land, aber wo er auch hinkam und fragte: „Gibt es hier den Tod?“ bekam er zur Antwort: „Ja, es gibt ihn.“

Da wurde er von Herzen traurig. Sollte es denn wirklich keinen Ort geben, wo man nicht zu sterben braucht? Wie er so durchs Gefilde wanderte, sah er einen Hirsch mit einem mächtigen verzweigten Geweih stehen. Er bewunderte das Geweih und fragte den Hirsch: „Weißt du nicht einen Ort, wo man nicht zu sterben braucht?“ „Es gibt keinen solchen Ort“, entgegnete der Hirsch. „Solange mein Geweih nicht bis zum Himmel reicht, brauche ich nicht zu sterben. Dann aber ist mein Leben zu Ende. Wenn du willst, so bleibe bei mir, auch du wirst nicht sterben, solange ich lebe.“ „Nein“, rief der Jüngling. „Wenn schon leben, dann ewig! Sterben könnte ich auch dort, von wo ich gekommen bin!“

So wanderte er fort und fort, durchschritt alle Fluren und Täler und erstieg die Berge. Dort sah er auf einem Felsblock einen Raben sitzen, der sich putzte, daß seine Federn in eine riesige tiefe Schlucht fielen. Auch ihn fragte der Jüngling: „Weißt du keinen Ort, wo man nicht zu sterben braucht?“ „Nein“, sagte der Rabe. „Was

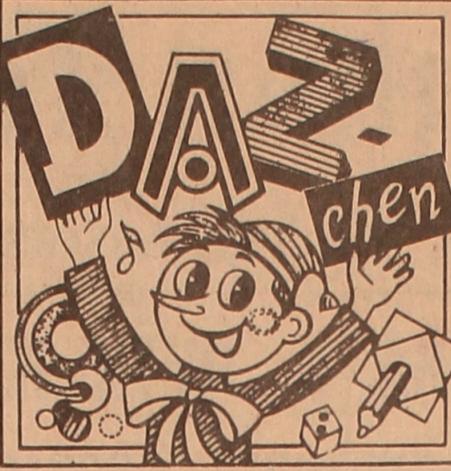
mich betrifft, werde ich so lange leben, bis meine Federn diese ganze Schlucht füllen. Wenn sie voll ist, sterbe ich. Bleib hier bei mir, dann wirst auch du leben, solange ich am Leben bin!“

Der Jüngling sah in die Schlucht hinab und schüttelte den Kopf. „Nein“, wider sprach er, „wenn schon leben, dann ewig! Sterben könnte ich auch dort, von wo ich gekommen bin.“

Er setzte seinen Weg fort und durchquerte alle Lande, bis er ans Meer kam. Er schritt das Gestade entlang und wußte nicht weiter. So wanderte er einen Tag und noch einen dahin, ohne etwas wahrzunehmen. Am dritten Tag erblickte er in der Ferne etwas Blinkendes und ging darauf zu. Dort stand ein Schloß aus Kristall. Der Jüngling umkreiste es, konnte aber kein Tor finden. Lange mührte er sich ab, endlich gewahrte er einen schmalen Spalt, erriet, daß dies eine Pforte war, stemmte sich mit aller Kraft dagegen, und sie tat sich auf. Er trat ein und sah auf einem Ruhebett eine Frau von solcher Schönheit, daß selbst die Sonne bei ihrem Anblick neidisch geworden wäre. Wie gebannt stand er da, aber auch er schien ihr zu gefallen. Da fragte er sie: „O du Schöne, ich möchte dem Tod entrinnen. Weißt du keinen Ort, wo man nicht zu sterben braucht?“

„Solch einen Ort gibt es nicht“, entgegnete sie. „Warum willst du vergleichbar suchen? Bleib lieber hier bei mir!“ Er aber sagte: „Nicht dich habe ich gesucht. Ich suche einen Ort, wo man nicht zu sterben braucht, sonst hätte ich ja dort bleiben können, von wo ich gekommen bin.“ Doch die Frau fuhr fort: „Die Erde nimmt sich das Ihre, und du selbst wirst nicht unsterblich sein wollen. Errate, wie alt ich bin!“

Der Jüngling betrachtete voll Entzücken ihre frischen rosenfarbenen Wangen — sie war so schön, daß er den Tod ganz vergaß. „Nicht älter als fünfzehn Jahre“, entschied er. „Nein“, wehrte sie ab. „Ich wurde am Tage der Entstehung der Welt geschaffen. Ich bin die Schönheit, werde niemals alt werden und niemals sterben. Du könntest für immer bei mir bleiben, aber

Puppen

„Teremok“ ist regesames und furchtloses Theater. Ein jeder anstelle der Theatersleute würde Angst vor diesem vielköpfigen ausgelassenen kleinen Drachen bekommen — einer Kinderschar, die zu leiten auch ein sehr strenger Präsident nicht vermag. Im Puppentheater aber treten Regisseur und Schauspieler vor, nach den Aufführungen und selbst während derselben lächelnd in das Gewühl des lustig brausenden Kinderpublikums hinein, und die Augen strahlen dann ihnen entgegen, und die Stimmen tönen im Einklang. Die „Teremok“-Schauspieler veranstalten in ihrer Heimatstadt Saratow oft farbenreiche lärmende Puppenzüge einfach weil sie Kinder und den Umgang mit ihnen lieben.

Vom Springbrunnen „Oduwantschik“ („Löwenzahn“) bis zum Theatergebäude veranstalteten die Schauspieler einen Karnevalsumzug. Von 10 Uhr früh bis 11,

dem Beginn der Erstaufführung von „Der Wolf, die Ziege und die sieben Geißlein“ wanderte diese bunte Kavalkade den Kirov-Prospekt entlang.

Der Hauptregisseur des Puppentheaters „Teremok“ Alexander Awdonin dirigiert stets bereitwillig dieses Massenschauspiel. Er führt Regie, dabei stets echt interessiert, bei beliebigen, selbst bei von Kind auf zur Genüge bekannten Märchen. Er sagt: „Nichtige Märchen gibt es nicht. In einem beliebigen schlichten und allbekannten Märchen kommen seine zahlreichen Assoziationen vor, es hat seine eigene Idee, Poesie, seine eigene Welt. Jawohl, ich empfinde Vergnügen bei den „Drei Ferkeln“, denn da gibt es so viele lebendige Nuancen. Vielleicht werden wir für Erwachsene uninteressant, um kleinen Kindern verständlich zu werden, aber dage-

sele eigentlich Gewicht verleiht. Weiter folgt „Die Frosch-Prinzessin“, auch durchs ungewöhnlich, und zuletzt ein Schauspiel nach Erzählungen von O’Henry. Awdonin hat nicht die Absicht, blindlings ins Ungewisse zu stürzen, er setzt seine Schritte mit Bedacht, mit seinen Füßen den neuen Boden abtastend, aber stets einen neuen... Von den neun von ihm inszenierten Spielen erinnert sich Alexander Awdonin am liebsten an „Menschen und Vogel“, „Das Lächeln des Clowns“, „Das Märchen vom tollpatschigen kleinen Drachen“. Er träumt davon, zum Internationalen Festival der Puppentheater fahren zu dürfen, hat vor, seine Abendveranstaltungen „Bei Oma an der Auffahrt“ fortzusetzen („Teremok“ liegt Ecke Mischurinstraße und Babuschkin-Wswos — zu Deutsch etwa „Omas Auffahrt“). Er beabsichtigt, mit den Professoren und Lektorern der Therapieklinik der medizinischen Hochschule Saratows und mit den Fachleuten des Forschungsinstituts für Traumatologie und Orthopädie des Ministeriums für Gesundheitswesen Rußlands einen Puppentherapiekurs zu erarbeiten. Dieses Gebiet ist fast noch unerforscht. Bald findet darüber ein Symposium statt. Es stellt sich folgendes heraus: Wenn der Schauspieler eine Puppe führt, verrichten alle seine Muskeln Mikrobewegungen. Für orthopädisch kranke Kinder kann die Puppenführung nach Meinung von Professor Konstantin Bender heilsam sein. Alexander Awdonin will versuchen, diesen Unterricht zweimal wöchentlich unmittelbar in Krankenzimmern zu erzielen.

Es bleibt nur noch hinzuzufügen, daß Alexander Awdonin diplomierte Physiklehrer ist. Als Lehrerstudent schuf er ein studentisches Marionettentheater. Sein Lehrer war der begabte Regisseur aus dem „Teremok“ Lew Ossokin.

Georg WIND

Saratow

Für junge Naturfreunde

Unser Star

Er fraß Fleisch sehr gern. Wenn's Buletten gab, war unser Star darauf erpicht, von der heißen Pfanne zu picken. Mama lachte dabei und jagte ihn weg: „Du verbrennst doch!“ Aber er ärgerte sich über die Mama: warum ließ sie ihn nicht ran? Auch sträubte er seine Federn und schlüpfte etwas laut. Wir zerbröckelten ein Bulette auf dem Teller und gaben sie ihm nach dem Abkühlen. Im Handumdrehen pickte er alles auf.

Einmal gaben wir unserem alten Kater Fleisch. Als er ans Schmausen ging, sahen wir unseren Star sich seitwärts an den Teller heranpirschen. Wir guckten zu, was weiter passieren sollte. Der Star kam heran und schnappte dem Kater geschickt ein Stückchen Fleisch unter der Nase weg. Unser gutmütiger Kater hatte sich darüber empört und hob seine Pfote zum Schlag. Der Star aber zeigte keine Angst, im Gegenteil, er sprang den Kater mehrmals an und rief: „Tschirr-tschirr!“ Und plötzlich hackte er mit dem Schnabel die Nase des Katers ein. Jener fauchte, schlüpfte mit dem Kopf, drehte sich dann um und ging vom Teller weg.

Seitdem wurde der Star für den Kater zum Plagegeist. Sobald der dicke Kater sich in der Sonne ausstreckte, war der Star schon auch da und zielte mit seinem Schnabel auf des Katers Schwanz oder Ohr hin. Die Mutter scheuchte ihn mit dem Handtuch:

„Du, laß den Kater in Ruhe!“
Der Star zupfte aber stets an Mamas Handtuch und rief: „Tschirr-tschirr!“ Er flog auch ihr auf den Kopf. War das ein Schelm!

Dafür hatte er sich mit Jack, dem Jagdhund des Vaters, dicht angefreundet. Wenn der Hund Haferbrei aus der Schüssel fraß, saß der Star am Schüsselrand und pickte mit. Wenn Jack sich auf seinen Bettvorleger hinlegte, ließ der Star sich auf seinen Rücken nieder und begann aus dem Fell etwas herauszupicken, aber so behutsam, daß er dem Hund niemals wehtat. Jack kniff sogar die Augen zusammen, so angenehm war es ihm wohl.

Eines Tages tranken wir Tee. Danach gab Mutter warmes Wasser in den Spülnapf, um Tassen abzuwaschen. Sobald wir uns abgewaschen hatten, kam der Star wie vom Himmel gefallen — direkt in den Spülnapf. Und begann darin zu planschen! Den ganzen Tisch begoß er mit Wasser.

Die Mutter lachte:
„Ach, du Balig!“

Der Star aber saß schon auf der Tür, schüttelte sich und putzte seine Federn.

Er wurde so kühn, daß er seinen Schnabel überall hineinstechte und alles stahl; wir hatten unsere liebe Not mit ihm!

Mutter duldet dies lange, endlich platzt ihre Geduld.

„Sperrt diesen Schelm im Käfig ein“, sagte sie, „oder laßt ihn frei“.

Ich wollte mich von meinem Star gar nicht trennen, aber da war nichts zu machen, denn im Käfig durfte er ja nicht eingesperrt werden!

Am Morgen öffnete ich das Fenster und nahm das Netz davon herunter. Im Nu sprang mein Star aus dem Käfig heraus, ließ sich auf das Fensterbrett nieder und wußte dann nicht, wohin er weiterfliegen

(Schluß folgt)

du wirst es selbst nicht wollen — die Erde wird nach dir rufen.“

Da gelobte der Jüngling, daß er nimmer von ihr scheiden werde, und sie lebten froh miteinander. Die Jahre verflogen wie ein Augenblick, viel waujelte sich at: Erden, viele starben und wurden zu Staub, viele wurden geboren, die Erde veränderte ihr Antlitz, nur der Jüngling merkte nicht, wie die Zeit dahineilte. Die Frau war noch immer so schön und er noch immer so jung. Dennoch packte ihn das Heimweh, und er wollte seine Lieben wiedersehen. Darum gestand er: „Ich möchte in meine Heimat wandern, um meine Mutter und meine Verwandten wiederzusehen.“ Sie antwortete: „Nicht einmal ihr Gebein ist mehr in der Erde übriggeblieben!“ Er widersprach: „Wo denkst du hin! Es sind doch nur einige Tage, daß ich herkomme. Was konnte ihnen denn widerfahren?“ Sie aber erinnerte ihn: „Ich habe dir doch gesagt, die Erde nimmt sich das Ihre. Wohlan, geh hin! Was immer dir das geschehen mag, schreibe die Schuld nur dir selbst zu!“

Dann reichte sie ihm drei Äpfel und gabot ihm, dieselben zu essen, wenn ihn die Schwermut überkomme.

(Schluß folgt)

Es kam der Herbst. Unser Garten wurde gelb, auf den Feldern wurde Getreide eingebaut, und auf den Wiesen am Fluß tauchten Heuschrecken auf gleich riesigen grünen Erdhaufen. Die Stare bildeten Schwärme; ganze Tage flogen sie über Felder und Wiesen oder saßen auf Heuschober.

Auch mein Star begann tagsüber wegzubleiben, minuter kam er auch zu Nacht nicht zurück — einmal, zweimal, dann blieb er aber ganz aus. Wohl vom Habicht gefangen oder mit anderen Staren in warme Länder gezogen, so dachte ich.

Der Winter kam. Oft erinnerten wir uns an unseren Star, besonders abends, wenn der Ofen geheizt wurde und alle meine Freunde sich am Feuer versammelten — der Jagdhund Jack, der Kater Iwantsch und der zahme Hase Langohr. Wo steckte nur unser Star? War er noch am Leben...

Endlich war auch der Winter vorbei. Im Garten bildeten sich riesengroße blaue Pfützen. Mittags wärmte die Sonne schon ganz sonniglich, dann wurde im Eßzimmer sogar das Fenster geöffnet.

Eines Tages hantierte ich in meinem Zimmer mit Angeln. Plötzlich hörte ich hinter der Tür: „Tschirr-tschirr!“ Ich fuhr sogleich auf: Was war das? Ich stürzte ins Eßzimmer und traute meinen Augen nicht: auf dem Fensterbrett saß mein Star und trillerte nur so.

„Starlein, liebes! Wo bist du denn hergekommen?“

Ich wollte an ihn herantreten, aber er schwirrte durchs Fenster zurück und ließ sich im Garten auf einen Apfelbaum nieder. Hatte sich also während des Winters von uns abgewöhnt.

Und wieder zog mein Star in sein altes Starenhäuschen ein. Mit ihm auch die Starein, nur weiß ich nicht, ob die alte oder eine neue.

Oft kam der Star auf unser Fensterbrett geflogen, saß darauf und sang. Ich gab ihm Nahrung und stellte einen Spülnapf mit Wasser hin. Er pickte alles auf, trank Wasser und badete im Spülnapf. Ins Zimmer wollte er aber nicht mehr herein. Seine Starin hatte es ihm wohl verboten.

ПРОБЛЕМЫ НЕМЦЕВ КАЗАХСТАНА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

(Окончание.

Начало на 8-й стр.)

номической и политической демократии, организуемого и защищаемого правовым государством. Энергичное, стремительное сплочение всех народов Казахстана в едином, динамичном, жизнеспособном сообществе, дающее жизнь силовому демократическому государству — единственное возможное выхождение из этого труднейшего положения, в котором мы оказались.

Те, кто осознает свою ответственность перед отечеством и народом, должны мобилизовать себя на устранение всего, что порождает разобщенность, отчужденность, раздряжение в отношениях между народами, что ведет к рассогласованиям в их историческом творчестве. Мы должны неустанно разъяснять спасительность интернационализма в самом строгом и благородном значении этого слова. Только осуществление общечеловеческих идеалов и принципов дает нам надежду на будущее. И надежды эти отнюдь не беспочвены: опыт всемирной истории учит, что в критические, роковые моменты исторического процесса правдивость и разум неизменно одерживают победу.

Но тем не менее об альтернативы имеют шанс. Все зависит от политической активности народа, в том числе и нашей.

Республика Казахстан обладает всеми предпосылками для того, чтобы сознательно избрать и успешно осуществлять прогрессивный вариант исторического процесса, реформироваться в гуманное демократическое государство. Более того, мы уверены в том, что Казахстан способен выполнить основную историческую миссию авангарда в прорыве независимых государств СНГ в развитую демократию. Для этого он располагает уникальным набором благоприятствующих тому факторов: интеграционный геополитический статус европейского соединительного моста; громадные экономические ресурсы; демократические традиции и естественный интернационализм казахского народа; высокий культурный и научный потенциал общества, несравненный, богатейший и, к счастью, нерастраченный опыт сотрудничества, совместных свершений и преодолений немецких десятков народов республики; удручающаяся политическая стабильность, незаурядная личность лидера, что в условиях переходного периода играет исключительную роль. Но для того, чтобы использовать стимулирующие прогресс объективные факты, необходимы солидарность, взаимная терпимость, прозорливость, передельная самоотдача, нерушимая верность нравственным и историческим ориентирам. Каждый из народов Казахстана способеннести свой оригинальный, неповторимый вклад в дело социального обновления республики.

Некоторые рассматривают многонациональность, полиглазичность республики как отрицательный, блокирующий, удачивающий фактор ее общественного развития. С этим никак нельзя согласиться. В демократическом обществе, обеспечивающем равные условия развития всех народов и национальных культур, то же обстоятельство выступает как выдающееся гуманистическое благо: встреча и скрещение в границах определенного социального пространства, взаимное обогащение многих национальных культур создают мощный импульс для цивилизованного прорыва, применительно к Казахстану — для форсированного приближения республики к ведущим странам мира. Однообразие, унификация, нивелирование гибельны для любой системы, многообразие — залог ее жизнеспособности и развития. Утрата либо угасание любой национальной культуры, любого национального языка привнесет тяжкий урон всему многонациональному обществу.

Поэтому в условиях переходного периода одностороннее сосредоточение усилий на культуротресте, на культурно-просветительской деятельности, на защите прав национальных меньшинств не дает кардинального решения проблем, временно снимая или ослабляя социальное напряжение в каком-то секторе общественной жизни, отдаляет решение на неопределенный срок. Создание национальной политической партии не приемлемо, по ряду достаточно очевидных причин. Оптимальный вариант приобщения немцев Казахстана к определению и устройству своей судьбы — это усиление и политическая актилизация культурно-просветительского и общественно-политического общества «Видерберг», которое со временем может реорганизоваться в интернационалистическую демократическую партию либо соединиться с одной из действующих влиятельных демократических партий. Участие в общественно-политическом движении, немцы Казахстана получат в свое распоряжение эффективные легальные, цивилизованные, парламентские средства воздействия на общественную, политическую жизнь республики на всех уровнях.

Но для этого необходимо преодолеть укоренившийся в сознании многих психологический синдром неприязни по отношению к политике, воздержание от контактов с ней, явившийся естественным следствием тоталитаризма. В изменивших, чреватых многими радикальными следствиями обстоятельствах переходного периода, в котором мы находимся, массовое уклонение от деятельности в политической сфере общества, что присуще сегодняшним, занятые в сложном и тонком деле возрождения национальной культуры. Как свидетельствует наш опыт, такая опасность вполне реальная: от воодушевляющего энтузиазма происходит обидце всевозможных, за замысел благих, начинаний, стремление решительными действиями побыстрее восполнить громадные потребности, посенные национальной культурой. Такого рода стиль культурного строительства приведет к свертыванию многих полезных дел, разочарованиям; распространение подобного стиля прозит дискредитации самого замечательного дела. Основательность, щатальная подготовка, надлежащее ресурсовое обеспечение осуществления высокой идеи таковы: укрепле-

ние единого центра руководства культурным движением, упрочение его материальной базы, создание и сбережение очагов национальной культуры в Республике, всемирная поддержка немецких культурных центров, культуротреста в его разнообразных формах, содействие усилий государственных институтов и общественных организаций, частности, таких как Межгосударственный союз немцев, Международный союз немецкой культуры, Землячество российских немцев в Германии.

В процессе становления казахстанского государства и образования и консолидации нации есть два возможных и уже отчасти реализуемых путей эволюции наших народов к единому сообществу, сохранив свою самобытность, к демократическому обществу и правовому государству.

Первый путь — осуществление интенсивных культурно-просветительных программ, достижение культурной автономии для обеспечения этнического и культурного самовыражения.

Второй путь — принятие энергичных мер для прорыва к гуманному демократическому обществу и правовому государству. Мы должны неустанно разъяснять спасительность интернационализма в самом строгом и благородном значении этого слова. Только осуществление общечеловеческих идеалов и принципов дает нам надежду на будущее. И надежды эти отнюдь не беспочвены: опыт всемирной истории учит, что в критические, роковые моменты исторического процесса правдивость и разум неизменно одерживают победу.

Но тем не менее об альтернативы имеют шанс. Все зависит от политической активности народа, в том числе и нашей.

Республика Казахстан обладает всеми предпосылками для того, чтобы сознательно избрать и успешно осуществлять прогрессивный вариант исторического процесса, реформироваться в гуманное демократическое государство. Более того, мы уверены в том, что Казахстан способен выполнить основную историческую миссию авангарда в прорыве независимых государств СНГ в развитую демократию. Для этого он располагает уникальным набором благоприятствующих тому факторов: интеграционный геополитический статус европейского соединительного моста; громадные экономические ресурсы; демократические традиции и естественный интернационализм казахского народа; высокий культурный и научный потенциал общества, несравненный, богатейший и, к счастью, нерастраченный опыт сотрудничества, совместных свершений и преодолений немецких десятков народов республики; удручающаяся политическая стабильность, незаурядная личность лидера, что в условиях переходного периода играет исключительную роль. Но для того, чтобы использовать стимулирующие прогресс объективные факты, необходимы солидарность, взаимная терпимость, прозорливость, передельная самоотдача, нерушимая верность нравственным и историческим ориентирам. Каждый из народов Казахстана способеннести свой оригинальный, неповторимый вклад в дело социального обновления республики.

Поэтому в условиях переходного периода одностороннее сосредоточение усилий на культуротресте, на культурно-просветительской деятельности, на защите прав национальных меньшинств не дает кардинального решения проблем, временно снимая или ослабляя социальное напряжение в каком-то секторе общественной жизни, отдаляет решение на неопределенный срок. Создание национальной политической партии не приемлемо, по ряду достаточно очевидных причин. Оптимальный вариант приобщения немцев Казахстана к определению и устройству своей судьбы — это усиление и политическая актилизация культурно-просветительского и общественно-политического общества «Видерберг», которое со временем может реорганизоваться в интернационалистическую демократическую партию либо соединиться с одной из действующих влиятельных демократических партий. Участие в общественно-политическом движении, немцы Казахстана получат в свое распоряжение эффективные легальные, цивилизованные, парламентские средства воздействия на общественную, политическую жизнь республики на всех уровнях.

Но для этого необходимо преодолеть укоренившийся в сознании многих психологический синдром неприязни по отношению к политике, воздержание от контактов с ней, явившийся естественным следствием тоталитаризма. В изменивших, чреватых многими радикальными следствиями обстоятельствах переходного периода, в котором мы находимся, массовое уклонение от деятельности в политической сфере общества, что присуще сегодняшним, занятые в сложном и тонком деле возрождения национальной культуры. Как свидетельствует наш опыт, такая опасность вполне реальная: от воодушевляющего энтузиазма происходит обидце всевозможных, за замысел благих, начинаний, стремление решительными действиями побыстрее восполнить громадные потребности, посенные национальной культурой. Такого рода стиль культурного строительства приведет к свертыванию многих полезных дел, разочарованиям; распространение подобного стиля прозит дискредитации самого замечательного дела. Основательность, щатальная подготовка, надлежащее ресурсовое обеспечение осуществления высокой идеи таковы: укрепле-

ние единой культуры есть нечто иное как одна из форм существования и проявления культуры общечеловеческой, которая может выразить себя только в какой-либо национальной форме. Поэтому недопустимо — пусть даже в лучших побуждениях — направляемое — противопоставление национальных культур. Освоение любой национальной культуры, любого национального языка приобщает общечеловеческим ценностям, к духовному опыту нации.

Однако мы не можем не осознавать, что одной из причин усиления эмиграции казахстанских немцев является глубокий экономический кризис, поразивший все отрасли народного хозяйства республики. Мы обязаны определить свое отношение к экономической политике правительства и к тем процессам, событиям, трудным вопросам, которым осуществляется эта политика. Не будет преувеличением утверждать, что от судьбы экономических реформ во многом зависит судьба немецкого населения Казахстана.

Я бы выделил здесь три момента. Во-первых, занятые в общественном производстве казахстанские немцы работают преимущественно тех отраслей народного хозяйства, которые испытывают особенно остро потребность в техническом и организационном прорыве (например, переработка сельскохозяйственной продукции). Во-вторых, даже частичный успех реформ откроет широ- для разнообразной помощи, которую стремится окажать наша республика правительству Германии и которой сдерживается невосприимчивостью традиционных косых структур к хозяйственным и техническим новациям, неизвестным системой налогообложения. В-третьих, совершенно очевидно, что народы Казахстана нет иного, кроме радикального реформирования экономики, пути к нормальной, достойной жизни, к благосостоянию.

Принимает практические очертания идея открытия в Казахстане в 1993 году Немецкого университета в г. Алматы, который будет осуществлять гуманитарного направления, который будет выпускать педагогов разных специальностей для немецких школ, воспитывать детских садов, музыкальных работников для детских садов и начальных школ; будет действовать в техническом и организационном прорыве (например, переработка сельскохозяйственной продукции). Во-вторых, даже частичный успех реформ откроет широ- для разнообразной помощи, которую стремится окажать наша республика правительству Германии и которой сдерживается невосприимчивостью традиционных косых структур к хозяйственным и техническим новациям, неизвестным системой налогообложения. В-третьих, совершенно очевидно, что народы Казахстана нет иного, кроме радикального реформирования экономики, пути к нормальной, достойной жизни, к благосостоянию.

В Казахстане есть нечто иное как одна из форм существования и проявления культуры общечеловеческой, которая может выразить себя только в какой-либо национальной форме. Поэтому недопустимо — пусть даже в лучших побуждениях — направляемое — противопоставление национальных культур. Освоение любой национальной культуры, любого национального языка приобщает общечеловеческим ценностям, к духовному опыту нации.

Однако мы не можем не осознавать, что одной из причин усиления эмиграции казахстанских немцев является глубокий экономический кризис, поразивший все отрасли народного хозяйства республики. Мы обязаны определить свое отношение к экономической политике правительства и к тем процессам, событиям, трудным вопросам, которым осуществляется эта политика. Не будет преувеличением утверждать, что от судьбы экономических реформ во многом зависит судьба немецкого населения Казахстана.

Я бы выделил здесь три момента. Во-первых, занятые в общественном производстве казахстанские немцы работают преимущественно тех отраслей народного хозяйства, которые испытывают особенно остро потребность в техническом и организационном прорыве (например, переработка сельскохозяйственной продукции). Во-вторых, даже частичный успех реформ откроет широ- для разнообразной помощи, которую стремится окажать наша республика правительству Германии и которой сдерживается невосприимчивостью традиционных косых структур к хозяйственным и техническим новациям, неизвестным системой налогообложения. В-третьих, совершенно очевидно, что народы Казахстана нет иного, кроме радикального реформирования экономики, пути к нормальной, достойной жизни, к благосостоянию.

Мы единица с президентом и правительством в нашем общем стремлении к преобразованию национальной культуры, любой национальной языка приобщает общечеловеческим ценностям, к духовному опыту нации.

В Казахстане есть нечто иное как одна из форм существования и проявления культуры общечеловеческой, которая может выразить себя только в какой-либо национальной форме. Поэтому недопустимо — пусть даже в лучших побуждениях — направляемое — противопоставление национальных культур. Освоение любой национальной культуры, любого национального языка приобщает общечеловеческим ценностям, к духовному опыту нации.

Однако мы не можем не осознавать, что одной из причин усиления эмиграции казахстанских немцев является глубокий экономический кризис, поразивший все отрасли народного хозяйства республики. Мы обязаны определить свое отношение к экономической политике правительства и к тем процессам, событиям, трудным вопросам, которым осуществляется эта политика. Не будет преувеличением утверждать, что от судьбы экономических реформ во многом зависит судьба немецкого населения Казахстана.

Мы единица с президентом и правительством в нашем общем стремлении к преобразованию национальной культуры, любой национальной языка приобщает общечеловеческим ценностям, к духовному опыту нации.

Однако мы не можем не осознавать, что одной из причин усиления эмиграции казахстанских немцев является глубокий экономический кризис, поразивший все отрасли народного хозяйства республики. Мы обязаны определить свое отношение к экономической политике правительства и к тем процессам, событиям, трудным вопросам, которым осуществляется эта политика. Не будет преувеличением утверждать, что от судьбы экономических реформ во многом зависит судьба немецкого населения Казахстана.

Мы единица с президентом и правительством в нашем общем стремлении к преобразованию национальной культуры, любой национальной языка приобщает общечеловеческим ценностям, к духовному опыту нации.

Однако мы не можем не осознавать, что одной из причин усиления эмиграции казахстанских немцев является глубокий экономический кризис, поразивший все отрасли народного хозяйства республики. Мы обязаны определить свое отношение к экономической политике правительства и к тем процессам, событиям, трудным вопросам, которым осуществляется эта политика. Не будет преувеличением утверждать, что от судьбы экономических реформ во многом зависит судьба немецкого населения Казахстана.

Мы единица с президентом и правительством в нашем общем стремлении к преобразованию национальной культуры, любой национальной языка приобщает общечеловеческим ценностям, к духовному опыту нации.

Однако мы не можем не осознавать, что одной из причин усиления эмиграции казахстанских немцев является глубокий экономический кризис, поразивший все отрасли народного хозяйства республики. Мы обязаны определить свое отношение к экономической политике правительства и к тем процессам, событиям, трудным вопросам, которым осуществляется эта политика. Не будет преувеличением утверждать, что от судьбы экономических реформ во многом зависит судьба немецкого населения Казахстана.

Мы единица с президентом и правительством в нашем общем стремлении к преобразованию национальной культуры, любой национальной языка приобщает общечеловеческим ценностям, к духовному опыту нации.

Однако мы не можем не осознавать, что одной из причин усиления эмиграции казахстанских немцев является глубокий экономический кризис, поразивший все отрасли народного хозяйства республики. Мы обязаны определить свое отношение к экономической политике правительства и к тем процессам, событиям, трудным вопросам, которым осуществляется эта политика. Не будет преувеличением утверждать, что от судьбы экономических реформ во многом зависит судьба немецкого населения Казахстана.

Мы единица с президентом и правительством в нашем общем стремлении к преобразованию национальной культуры, любой национальной языка приобщает общечеловеческим ценностям, к духовному опыту нации.

Однако мы не можем не осознавать, что одной из причин усиления эмиграции казахстанских немцев является глубокий экономический кризис, поразивший все отрасли народного хозяйства республики. Мы обязаны определить свое отношение к экономической политике правительства и к тем процессам, событиям, трудным вопросам, которым осуществляется эта политика. Не будет преувеличением утверждать, что от судьбы экономических реформ во многом зависит судьба немецкого населения Казахстана.

Мы единица с президентом и правительством в нашем общем стремлении к преобразованию национальной культуры, любой национальной языка приобщает общечеловеческим ценностям, к духовному опыту нации.

Однако мы не можем не осознавать, что одной из причин усиления эмиграции казахстанских немцев является глубокий экономический кризис, поразивший все отрасли народного хозяйства республики. Мы обязаны определить свое отношение к экономической политике правительства и к тем процессам, событиям, трудным вопросам, которым осуществляется эта политика. Не будет преувеличением утверждать, что от судьбы экономических реформ во многом зависит судьба немецкого населения Казахстана.

Мы единица с президентом и правительством в нашем общем стремлении к преобразованию национальной культуры, любой национальной языка приобщает общечеловеческим ценностям, к духовному опыту нации.

Однако мы не можем не осознавать, что одной из причин усиления эмиграции казахстанских немцев является глубокий экономический кризис, поразивший все отрасли народного хозяйства республики. Мы обязаны определить свое отношение к экономической политике правительства и к тем процессам, событиям, трудным вопросам, которым осуществляется эта политика. Не будет преувеличением утверждать, что от судьбы экономических реформ во многом зависит судьба немецкого населения Казахстана.

Мы единица с президентом и правительством в нашем общем стремлении к преобразованию национальной культуры, любой национальной языка приобщает общечеловеческим ценностям, к духовному опыту нации.

Однако мы не можем не осознавать, что одной из причин усиления эмиграции казахстанских немцев является глубокий экономический криз

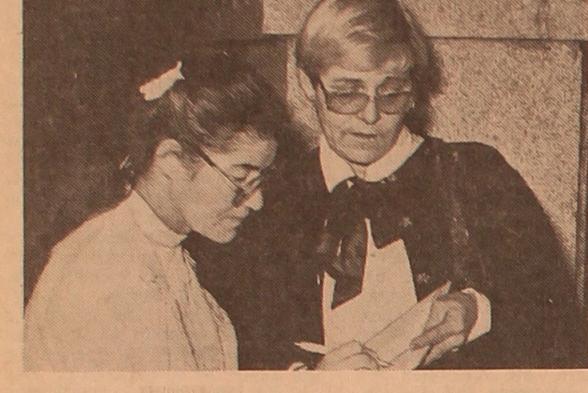

**ОТКРОВЕННОЕ
ПРИЗНАНИЕ АВТОРА,
КОТОРОЕ МОЖЕТ
БЫТЬ РАССЕНЕНО
КАК ВСТУПЛЕНИЕ**

В наше политизированное, время поэти неизвестные оставаться сторонним наблюдателем какого-либо события, беспристрастно следить за ним и «нейтрально» описывать его, как тогда ждут иные «занинтересованные» читатели и на что сама настраивают.

Тем более — если сам политизированный. Не сухой податель факта.

И тем более — если событие, подлежащее описанию, не обыкновенное, заурядное, однородное происшествие, но именно событие. И в связи с ним, и вокруг него, и внутри него, в

Гость съезда фрау Лангвальд из ФауДеа [справа].

глубине, сталкиваются полярные точки. Сам факт такого столкновения-сшибка рассматривается как вполне нормальный, естественный. Мысли в душу будоражат приемы, используемые при этом.

Спокойно сие лицезреть, подавать читателю в «чистом» виде, без оценок, оставаться сторонним наблюдателем; слышать очевидную несуразность, а то и глупость, видеть поступок, при всем желании не могший быть названным порядчным, и при этом держать свои чувства на привязи, не выпустить из нот шагну иронии и сарказма — очень даже непросто.

Но видят Бог, автор старался...

Это замечание вовсе не означает, конечно, что автор ни на что другое в работе съезда не обратил внимания кроме негативного. Избавь, Боже, от такого вывода читателя! С точки зрения автора, съезд прошел...

В недалеком прошлом, когда на газетных страницах господствовала партийно-бюрократическая терминология, для характеристики собраний, конференций и других подобного рода мероприятий пользовались следующим штампом: «...прошел (прошло) на высоком идеино-политическом и организационном уровне».

Выбросив из этой фразы определение, автор говорит: первый съезд немцев Казахстана прошел на уровне.

— Не на идеино-политическом, но...

— Нет...

— ...но на должном организационном уровне?

— Да нет же! Просто на уровне.

Что же касается фактов «деталей», не позволяющих автору держать свои оценки взаперти, то они-то, с его точки зрения, по причине отрицательных свойств, более всего и заслуживают быть проанализированы, обнародованы, высвеченными.

Посему, говоря о съезде в целом, автор намерен отдать приоритет им. Поэтому...

СТОП-РЫВОК ВТОРОЙ,
ПЕРВЫЙ,
ТОЧНЕЕ — ПОПЫТКА
СДЕЛАТЬ ЕГО

Прежде чем высказать свое предположение о попытке сделать первый стоп-рывок, автор хотел бы и здесь дать пояснение: нумерация стоп-рывков ни каким образом не соответствует их последовательности (в противном случае надо было бы склонять противоположные мнения на сей счет уже наметились).

Съезд еще только начинал свою работу, колесо локомотива еще только делало первый оборот, когда наметилась эта попытка.

Зачитали список кандидатур членов президиума, и в нем не оказалось фамилии председателя Межгосударственного совета немцев бывшего ССР Генриха Гроута. Хотя о том, что он приехал из Москвы еще за два дня до этого и накануне принял участие в работе конференции республиканского общества «Видергебург», кто-то, а члены оргкомитета съезда — машины поезда — знали наверняка. Да и сидел он в зале прямо против них. Формировавшие президиум не могли также не предположить, что это упущение будет замечено непременно и обязательно предложат кандидатуру Грута.

Почему же в таком случае не включили его кандидатуру в список одновременно с другими?

Генрих Гроута с человека можно уважать, а можно и не уважать, его взгляды можно разделить, а можно считать даже вредными — это у кого как душа расположена, у кого куда мысли направлены. Но на

**СТОП-РЫВОК ВТОРОЙ,
НЕ ПОСЛЕДОВАЛ
ЗА ПЕРВЫМ,
НО «ВЫТЕК» ИЗ НЕГО**

Христиан Дриллер в своем докладе призывал делегатов и гостей съезда руководствоваться не эмоциями, но здравым смыслом, во имя общих интересов отбросить личные амбиции. Позже он еще раз высказался о своей приверженности к обдуманным поступкам. Это произошло, когда решался вопрос, как избрать председателя Совета немцев Казахстана: на съезде или на съезд? Большинство проголосовало за то, чтобы — на Совете. И, когда огласили подсчет голосов, Генрих Гроута не удержал при-

держиваясь Дриллера. Не сдержавшись Гроута, как руководитель национальной структуры, избранный представителями всей немецкой диаспоры СНГ.

Стало быть, игнорирование

съезда-то он приехал не как чистое лицо, а как руководитель национальной структуры, избранный представителями всей немецкой диаспоры СНГ.

Совершенно ясно сознавая, что это отнюдь не оригинально, автор тем не менее сравнивает ход съезда с движением поездов.

Было маловероятным, что движение поезда будет плавным, без стоп-рывков. Но их сила, по мнению автора, пре-
восходила не только ту, что ожидалась, но и ту, что в таких случаях допускается. Стоп-рывки, опять же исключительно по мнению автора, во-первых, возникли по той причине, что машинисты поезда, вернее, те, кто считал себя ими, не

придерживалась Дриллера. Не сдержавшись Гроута, как руководитель национальной структуры, избранный представителями всей немецкой диаспоры СНГ.

Незадолго до этого Аригольд задал вопрос, связанный с освещением работы съезда в средствах массовой информации. Дело в том, что накануне вечером по телеканалу «Останкино» был передан сюжет о работе съезда, в котором на все СНГ прозвучали слова, не искающиеся смыслом форума, но тем не менее совершенно нелепые. И вот Аригольд снова у микрофона...

— Вы делегат?

— Нет, я приглашенный.

— Тогда сядьте! И для делегатов не хватает времени.

— У меня предложение.

— Сядьте!

Незадолго до этого Аригольд задал вопрос, связанный с освещением работы съезда в средствах массовой информации. Дело в том, что накануне вечером по телеканалу «Останкино» был передан сюжет о работе съезда, в котором на все СНГ прозвучали слова, не искающиеся смыслом форума, но тем не менее совершенно нелепые. И вот Аригольд снова у микрофона...

— Я сказал: сядьте! — сно-
ва донеслось из президиума.

Аригольд послушно вернулся в свое место.

Через каких-то минут пять-девять, когда от того же микрофона один из делегатов внес поправку в порядке обсуждения вопроса, тут же вновь встал Аригольд.

— У меня предложение.

— Сядьте, сколько можно говорить?

В зале раздалось:

— Ну пусть внесет предложение!

— Дайте ему сказать!

— Что, поставив вопрос на голосование? — обратился к залу председательствующий.

— Да пусть скажет! На голосование больше уйдет времени!

— Но председательствующий был неподобран.

— Счетчики, приготовьтесь.

Ставлен вопрос на голосование. Кто «за»?

Счетчики по секторам подсчитывали поднятые мандаты, передавали по микрофонам сведения в президиум, там, как школьники, изучающие первое из четырех действий арифметики, сводили их в столбики и складывали. А в зале по-прежнему раздавались голоса недоумения:

— Сколько тратим времени!

Да он давно бы уже сказал!

Но в президиуме не слышали. Главное ведь не то, что доносится из зала. Главное — не поступиться принципами. И — потому:

— Кто «против»?

И счетчики вновь принимаются за слизфов труд.

Почему слизфов? Вовсе даже нет! Делегаты большинством голосов высказались против предоставления Аригольду слова, значит не слизфов труд.

А это неважно, что они так и не узнали, что же хотел им предложить гость съезда, представлявший общество «Видергебург». Может, — стоящее. А может, — и не стоящее.

Процедура голосования отняла гораздо больше времени, чем ушло бы на то, чтобы его выслушать. Вполне возможно, Но это тоже неважно.

Когда выступление оратора было неинтересным.

Фотоснимки в выпуске Владимира ВАКОЛКИНА

Наконец-то к микрофону прорвалась и женщина — Роза Штаймарк [Немецкая редакция на Казахском телевидении].

Лив радости: «Ну вот, здравый смысл победил!»

Когда же Гриффин вышел на трибуну с заключительным словом (как докладчик), это был уже совершенно другой человек. Он сразу же обратился на Генриха Гроута и его заместителя Виктора Диэндорфа, которые в своих приветственных речах по ряду проблем высказали соображения, противоположные тем, которых

Генрих Гроута с человека можно уважать, а можно и не уважать, его взгляды можно разделить, а можно считать даже вредными — это у кого как душа расположена, у кого куда мысли направлены. Но на

услышание, а то и смех (по причине очевидной неразумности, явного несоответствия слов делу).

Места у микрофонов, установленных в проходах, не пустовали. Вот к одному из них подошел Генрих Аригольд из Караганды, не сказал и пол-фразы, как председательствовавший в это время член оргкомитета Андрей Гардт перебил:

— Слушай, я тебе скажу, что я тебе скажу...

Умение, а то и смех (по причине очевидной неразумности, явного несоответствия слов делу).

Места у микрофонов, установленных в проходах, не пустовали. Вот к одному из них подошел Генрих Аригольд из Караганды, не сказал и пол-фразы, как председательствовавший в это время член оргкомитета Андрей Гардт перебил:

— Слушай, я тебе скажу, что я тебе скажу...

Умение, а то и смех (по причине очевидной неразумности, явного несоответствия слов делу).

Места у микрофонов, установленных в проходах, не пустовали. Вот к одному из них подошел Генрих Аригольд из Караганды, не сказал и пол-фразы, как председательствовавший в это время член оргкомитета Андрей Гардт перебил:

— Слушай, я тебе скажу, что я тебе скажу...

Умение, а то и смех (по причине очевидной неразумности, явного несоответствия слов делу).

Места у микрофонов, установленных в проходах, не пустовали. Вот к одному из них подошел Генрих Аригольд из Караганды, не сказал и пол-фразы, как председательствовавший в это время член оргкомитета Андрей Гардт перебил:

— Слушай, я тебе скажу, что я тебе скажу...

Умение, а то и смех (по причине очевидной неразумности, явного несоответствия слов делу).

Места у микрофонов, установленных в проходах, не пустовали. Вот к одному из них подошел Генрих Аригольд из Караганды, не сказал и пол-фразы, как председательствовавший в это время член оргкомитета Андрей Гардт перебил:

— Слушай, я тебе скажу, что я тебе скажу...

Умение, а то и смех (по причине очевидной неразумности, явного несоответствия слов делу).

Места у микрофонов, установленных в проходах, не пустовали. Вот к одному из них подошел Генрих Аригольд из Караганды, не сказал и пол-фразы, как председательствовавший в это время член оргкомитета Андрей Гардт перебил:

— Слушай, я тебе скажу, что я тебе скажу...

Умение, а то и смех (по причине очевидной неразумности, явного несоответствия слов делу).

Места у микрофонов, установленных в проходах, не пустовали. Вот к одному из них подошел Генрих Аригольд из Караганды, не сказал и пол-фразы, как председательствовавший в это время член оргкомитета Андрей Гардт перебил:

— Слушай, я тебе скажу, что я тебе скажу...

Умение, а то и смех (по причине очевидной неразумности, явного несоответствия слов делу).

Места у микрофонов, установленных в проходах, не пустовали. Вот к одному из них подошел Генрих Аригольд из Караганды, не сказал и пол-фразы, как председательствовавший в это время член оргкомитета Андрей Гардт перебил:

— Слушай, я тебе скажу, что я тебе скажу...

Умение, а то и смех (по причине очевидной неразумности, явного несоответствия слов делу).

Места у микрофонов, установленных в проходах, не пустовали. Вот к одному из них подошел Генрих Аригольд из Караганды, не сказал и пол-фразы, как председательствовавший в это время член оргкомитета Андрей Гардт перебил:

— Слушай, я тебе скажу, что я тебе скажу...

Умение, а то и смех (по причине очевидной неразумности, явного несоответствия слов делу).

Места у микрофонов, установленных в проходах, не пустовали. Вот к одному из них подошел Генрих Аригольд из Караганды, не сказал и пол-фразы, как председательствовавший в это время член оргкомитета Андрей Гардт перебил:

— Слушай, я тебе скажу, что я тебе скажу...

Умение, а то и смех (по причине очевидной неразумности, явного несоответствия слов делу).

Места у микрофонов, установленных в проходах, не пустовали. Вот к одному из них подошел Генрих Аригольд из Караганды, не сказал и пол-фразы, как председательствовавший в это время член оргкомитета Андрей Гардт перебил:

Expo'92 brachte Sevilla in Schwung

Die Weltausstellung in Sevilla hat die Stadt in Schwung gebracht. Millionen in- und ausländischer Besucher kamen zum Expo-Gelände der Hauptstadt Andalusiens. „Heller, offen und aufgeschlossen“, so der deutsche Pavillon in Spanien; gestaltet wurde er vom Architekten Harald Mühlberger nach der Vorgabe von Hans-Gerd Neglein, Generalkommissar der deutschen Beteiligung. Richard von Weizsäcker, Präsident der Bundesrepublik Deutschland, lobte die Bedeutung des kulturellen Beitrags als Teil unserer Wirklichkeit. Der deutsche Pavillon war bisher einer der meistbesuchten in Sevilla.

Am deutschen Pavillon bedarf es nicht einmal eines besonderen Einganges an der offenen, 70 Meter langen Straßenfront. Ein gläserner Schnurvorhang lädt zum Eintreten, wo immer der Besucher es wünscht. Diese Freiheit und die ihr entsprechende Architektur einer freischwebenden, von keiner Wand gestützten Dachkonstruktion veranlaßte spanische Zeitungsberichte zu dem Urteil: „Das gehört zu den Besten der Expo'92“.

Der Pavillon einer Nation soll die Menschen in ihrem Zeit- und Kulturverständnis darstellen. Und weil es dabei nicht immer tierisch ernst zugehen muß, winken dem Besucher des deutschen Pavillons schon von der Ferne die Schelme und Narren der Weltliteratur zu: Till Eulenspiegel, Doktor Faust oder Don Quijote. Nicht belehrend, eher visonär erleben die 15 000 bis 20 000 Besucher, die täglich den Pavillon betreten, den deutschen Beitrag. Ein tonnenschweres Betonstück der

lins, um dort, vorbei an Lillenthals Segeflieger, den „Traum vom Fliegen“ nachzuempfinden. Wird der luftig-schwabende Pavillon nach der Expo'92 wieder abgebaut, so soll der Siemens-Turm schräg gegenüber als Entwicklungszentrum für Südspanien weiterleben. Sein Architekt versuchte sich in der Quadratur des Kreises, indem er den Kreis als die geometrische Grundform des Gebäudes mit einem Quadrat „umkreiste“. Eine Idee, bei der das El des Columbus, dem schließlich ein großer Teil der Weltausstellung gewidmet ist, Pate gestanden haben mag.

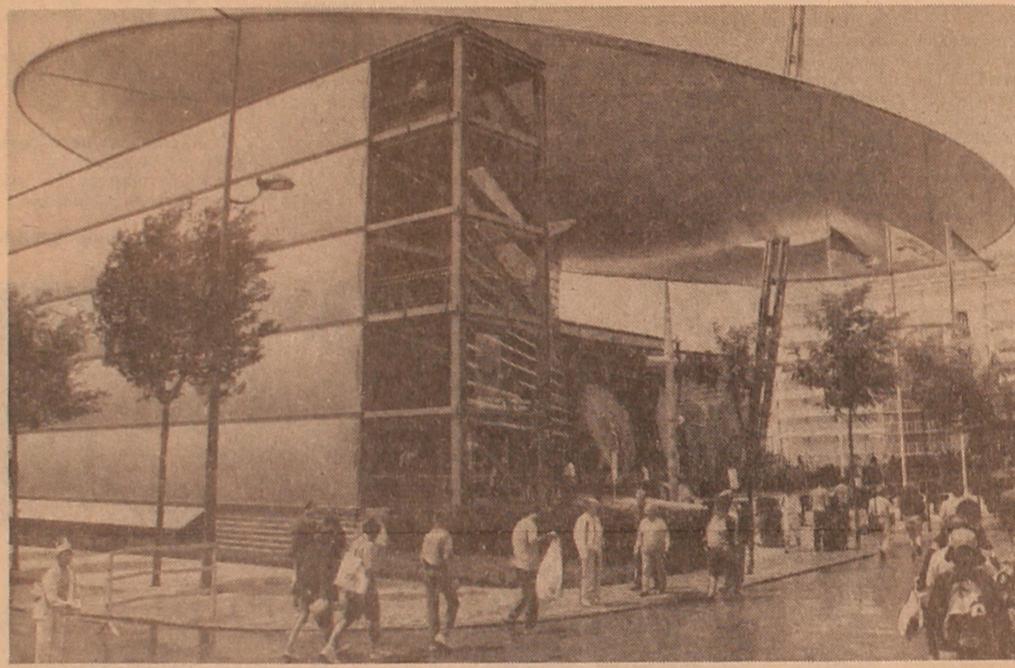
Bewundernd registrierten die Besucher ein Solar-kratgetriebenes Schutzschild, das mit der Präzision einer Sonnenuhr rund um den Pavillon wandert. Tausende von Plexiglas-Prismen reflektieren die direkte Einstrahlung, halten die Infrarotstrahlung zurück und lassen nur diffuses Himmelslicht durch.

„Man kann die Zukunft zwar nicht vorhersagen, aber man kann sie erfinden“. Dieser Aphorismus des Physiologen John Scott Hal dane befürgte nicht nur die Solar-Architekten des Siemens-Turmes, sondern auch die Schöpfer Jener Film-Symphonie, einem Video-Cocktail aus Bild, Geräusch und Musik. Junge Meisterschüler europäischer Filmhochschulen produzierten einen Film zum Thema „Evolution of Networks“.

„Diese Weltausstellung ist auch eine Probe auf die Leistungsfähigkeit Spaniens“, sagte der spanische König Juan Carlos in seiner Eröffnungsrede Ostern 1992. In der Tat, der Satz markiert das Leitmotiv einer Veranstaltung, die als eine der teuersten und imposantesten Ereignisse in die Geschichte des Landes eingehen wird.

Rolf GÖRTZ
(IN-PRESS)

Expo'92. Der deutsche Pavillon in Sevilla.
Foto: INP/Bundesbildstelle

Zum 500. Jubiläum der Entdeckung Amerikas

Das Bordbuch des Christoph Columbus

Samstag, den 13. Oktober

Die Angst der Indianer* vor unseren Schiffen scheint gesunken zu sein. Einige schwammen zur „Santa Maria“ heran, andere kamen in leichten Barken, die sie Canoes nennen. Eigenartige Fahrzeuge sind das: Aus ausgehöhlten Baumstämmen verfertigt, können sie vierzig, ja sogar fünfzig Menschen aufnehmen. Gelenkt und bewegt werden diese Boote mit Rudern, die die Form einer Oefenschaukel haben. Dennoch gleiten sie erstaunlich rasch über das Wasser. Kippt ein Boot um, kehren es die Indianer wieder rasch nach oben und entziehen es mit hohen Kürbissen. Sie brachten uns als Geschenke Papageln, aus Baumwolle verfertigtes Garn und eine Art Brot mit, das sie Cassava nennen und aus einer Wurzel zubereiten, die den Namen Yuka trägt. An unseren Geschenken hatten sie viele Freude. Sie schenken zu glauben, daß alles, was aus unseren Händen kommt, überirdische Kraft besitzt.

Ich bemerkte — und nicht nur ich — daß manche Indianer die Nase durchlöchern und in die so entstandene Öffnung ein Stück Gold gesteckt haben. Sie tauschten das Gold, das sie offenbar für wertlos ansehen, gern gegen Glasperlen ein, doch verbot ich diesen Tauschhandel sofort: das Gold gehört der Krone allein!

Ich fragte die Eingeborenen, woher das Gold stamme, und erfuh, daß es auf ihrer Insel gefunden werde, in geringen Mengen nur, während es im Süden ein Reich gebe, wo ein König aus großen Gefäßen aus purem Gold esse und trinke. Ich fragte weiter, ob dieses Reich Cipango heißt, doch verstanden sie mich nicht.

Dennoch gibt es für mich keinen Zweifel mehr: Der König ist derselbe, dessen prächtige Stadt Marco Polo beschrieben hat, und die Krieger, die die Bewohner Guanahans dann und wann überfallen, sind Untertanen des Groß-Khan der Tartarei, des kühnsten Kriegers und größten Räuber aller Zeiten, dem der Venezianer von Angesicht zu Angesicht gegenübergestanden hat. Zu ihm mag es wohl noch weit sein, aber nicht zu dem König, der seinen Wein aus goldenen Pokalen trinkt.

Zu ihm wollen wir bald weiterfahren.

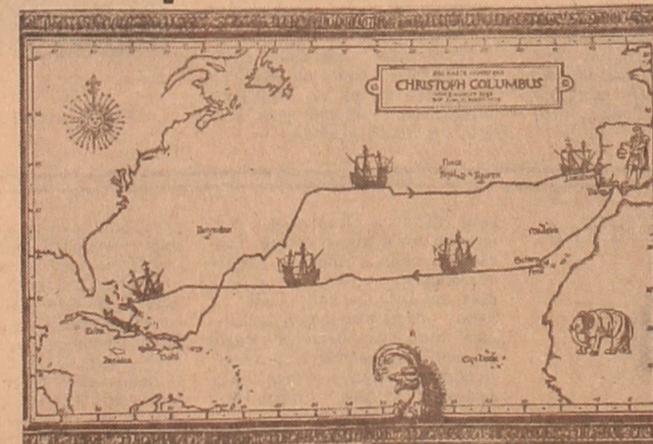
Sonntag, den 14. Oktober

Es gibt hier so viele Inseln, daß man sie nicht zählen kann. Wir kreuzten den ganzen Tag zwischen ihnen hin und her, gingen aber nirgendwo an Land, obwohl uns die Eingeborenen durch Gesten und Zurufe dazu einluden. Einige schwammen auf uns zu und fragten uns, ob wir geradewegs vom Himmel kämen. Wir ließen ihnen diesen Glauben, denn er kann uns nur vor der Küste Asiens aus.

Überall sahen wir Bäume und genug Quellwasser. Am späten Nachmittag kehrten wir nach San Salvador zurück und nahmen sieben Eingeborene auf die „Santa María“ mit. Luis de Torres soll sich bemüht haben, sie das Karibische zu lehren, damit wir sie als Dolmetscher verwenden könnten.

Montag, den 15. Oktober

Die größte Insel, versicherten mir die Eingeborenen, liege etwa zwanzig Seemeilen in südwestlicher Richtung. Wir erreichten sie, da wir eine heftige Gegenstromung zu bekämpfen hatten, erst mittags. In weiter Ferne sah ich eine andere Insel liegen, die mir noch größer zu sein schien. Ihr gab ich den Namen Santa María de la Concepción. Knapp vor Sonnenunter-

gang warfen wir vor ihrer Küste Anker. Auch hier empfingen uns die Indianer mit Geschenken. Wir fragten sofort nach Gold und erfuhren, daß auf einer weiter im Süden gelegenen Insel die Eingeborenen goldene Fuß- und Armspangen trügen. Immer mehr blieb ich überzeugt, daß ich auf die 7458 Insel umfassende Gruppe gestoßen bin, von der Marco Polo sagt, sie dehne sich weithin vor der Küste Asiens aus.

Dienstag, den 16. Oktober

Ich habe eine weitere große Insel entdeckt, die ich Fernandina nannte. Gold fanden wir auch hier nicht. Während der Fahrt sprangen zwei der Eingeborenen, die ich zu Dolmetschern machen will, ins Wasser und flohen. Ich ließ sie nicht verfolgen, weil mir nichts wichtiger erscheint, als mir die Freundschaft der Indianer weiter zu erhalten. Fernandina ist die üppigste aller bisher entdeckten Inseln, sie gleicht wahrhaft einem Paradies. Alles ist hier anders als in Andalusien; die Bäume, die Sträucher, die Pflanzen, die Fische, sogar die Steine. Zum ersten Mal besichtigten wir die Behausungen der Eingeborenen. Es

sind Hütten von der Form eines Pavillons, aus Baumwollgewebe, Rohr und Palmblättern zusammengesetzt. Als Ruhelager werden Baumwollnetze verwendet, die den Namen Hamaks* tragen. Man erzählte uns, daß auf der Insel Saometo in einer großen Stadt ein König residiere, der unendlich reich und Herr über alle anderen Inseln sei. Es kann sein, daß die Indianer Cipango Saometo nennen.

Donnerstag, den 18. Oktober

Auf Saometo fanden wir wieder Gold noch eine Stadt noch einen König. Es mag sein, daß mich die Eingeborenen nicht verstanden haben, vielleicht wollten sie mich auch irreführen. Aber ich kann nicht leugnen, daß diese Insel, die ich Isabella getauft habe, Fernandina an Schönheit noch übertrifft. Es quält mich sehr, daß ich die vielen Kräuter, Sträucher und Pflanzen nicht kenne, die vielleicht für die Erzeugung von Farben, Arzneien und Gewürzen von großem Wert sein mögen. Ich werde von den meisten Proben mit nach Hause nehmen.

*Dieser Name für Hängematten hat sich in der Seemannssprache bis heute erhalten.

(Fortsetzung folgt)

(Fortsetzung. Anfang Nrn. 37, 39, 42)

Eine lehrreiche Sage für jung und alt...

Es ist noch gar nicht so lange her, daß die Wölfe nach eigenem Gutdünken auf der meisten Erdballfläche grausam und fast unmenschlich herrschten. Besondere schwere Leiden mußten die Schafe von den grausamen Wölfen ertragen, was für sie mit der Zeit buchstäblich unerträglich wurde. Da begannen die Schafe allerorts dagegen zu meckern. Das gefiel den Wölfen gar nicht. Sie wollten, daß die Schafe überall stets geduldig und gehorsam wären und in aller Welt die Stärke der Wölfe und deren Liebe zu den Schafen, wie auch deren Kampf um Frieden zwischen allen Tieren preisen sollten. Aber das Leben wurde für die Schafe von Jahr zu Jahr und von Tag zu Tag immer unerträglicher, und sie begannen noch mehr zu meckern. Da beschlossen die starken und satten Wölfe, die Schafe ihre Zähne mal ordentlich spüren zu lassen, was sie dann hungrigen Wölfen zu tun befahlen.

Millionen der guten und willigen Schafe wurden geschändet, vernichtet und zerstört. Die einst schönen, blühenden Weiden der Schafe wurden in Mordstädten und Friedhöfen verwandelt. Die Not und die Verluste der Schafe waren so groß und unerträglich, daß ihnen die Gefahr drohte, gänzlich vernichtet zu werden. Endlich wurden diese friedliebenden Tiere sich ihrer fast aussichtslosen Lage bewußt und begannen gemeinsam und entschlossen gegen die Wölfe zu kämpfen. Immer kräftiger und empfindlicher ließen sie die Wölfe ihrer harten Hörner fühlen.

Da begannen die Wölfe wieder zu heulen und zu jammern, aber trotzdem bissen sie sich immer krampfhaft in die Körper der Schafe hinein. Die Verluste der Schafe wurden noch größer, ihre Wunden bluteten noch stärker und schienen unheilbar zu sein. Aber dank ihrer zahlreichen Überlegenheit, Standhaftigkeit und gegenseitigen Hilfe war es diesen guten und harmlosen Tieren endlich gelungen, die raublirigen und blutdürstigen Wölfe zu besiegen. Allerdings begannen die Schafe sitzen, dazu schauen die Augen des Gerichtsvorsteuerns an. Es vergingen Tage, Wochen und Monate im endlosen Warten. Und schließlich läßt man sie zu Gericht kommen. Die Schafe werden ruhig und vertraulich, da sie hinter dem Tisch sitzen, dazu schauen die Augen des Gerichtsvorsteuerns an. Danach erhob der Richter seine Stimme: „Vielgeehrte Schafe, Irrt ihr euch nicht in Eurer so furchtbaren Meinung?“ „Nein, neln, vielgeehrter Herr Richter! Wir erkennen sie genau! Das sind sie mit Leib und Seele, die unsere Nächsten und Verwandten umgebracht haben“, erwiderten die Schafe weinend und schluchzend.

„Geehrte Angeklagte, was sagt Ihr dazu?“ „Wir vermuten, die Kläger irren sich...“ Der Gerichtsvorsteuer beginnt seine Rede. Er sagt, daß er doch selbst von Fleisch und Blut ein Schaf sei, aber trotzdem scheine es ihm sogar manchmal auch, daß Schafe Wölfe seien. Und doch sei es höchstens Zeit, die Mordtaten der Wölfe zu vergessen und das Gericht mit diesen Kleinigkeiten nicht weiter zu belästigen! „Was?! Mord, Verfolgung, Erniedrigung, Zerstörung — das alles und noch viel mehr, sind

Kleinigkeiten!“ schrien die Schafe. „Wir werden...!“ „Ordnung! Verhalten sie sich ruhig, vielgeehrte Kläger!“ schrie der Richter und läutete schrill seine Glocke. Dann sagte er belehrend, daß die Angeklagten, wenn sie auch Wölfe wären, gar nicht so überleben, da sie doch jetzt all ihre Kräfte und Kenntnisse für das Gediehen ihrer Wiesen einsetzen. Deshalb sei es größte Ungerechtigkeit, sie Mörder zu nennen. Danach erhob er sich hinter dem Tisch und schrie aus voller Kehle mit grober Stimme die Ankläger an: „Also Ihr seid alleamt Mörder!“ „Wieso, wie könnten Sie etwas behaupten, Herr Richter?“ fragten verwirrt die Schafe. „Stellt Euch nur nicht so dummkopfisch!“ schrie der Richter. „Rupft Ihr, rupfen eure Lämmer, nicht bis zum heutigen Tag die schönsten Blumen und Gräser auf dem grünen Wiesen! Die Wiesen gehören doch uns, so wie man sagt, dem Staat, und Euch gehört doch noch immer gar nichts. Das sollte Ihr doch endlich mal verstehen!“

Und so sind die Schafe wieder zu Angeklagten geworden... So geht es heute noch vielerorts zu. Und mit Recht fragen allerorts die friedlichen und harmlosen Schafe, ob es nicht höchste Zeit wäre, den Wölfen in Schafpelzen die Zähne so auszubrechen, daß sie die friedlichen und harmlosen Schafen nie wieder auf den ihnen gehörenden grünen blühenden Wiesen ermorden und zerstören können.

Friedrich KRÜGER

Erstmals in Rußland

Erstmals wird in Rußland eine Hitler-Biographie erscheinen. In den Buchhandlungen von Perm läuft die Vorbestellung auf die dreibändige Ausgabe „Hitler — eine Biographie“.

Nach Öffnung der Sperrarchive nutzt das Kulturzentrum der Stadt im Ural-Vorland die Möglichkeit, die Untersuchung des bekannten deutschen Historikers und Publizisten Joachim Fest ins Russische zu übertragen. Vorgelesen ist eine Auflage von 100 000 Exemplaren. Die Vorbestellung ist gut angekommen. Mit der Hitler-Biographie soll im Permer Verlag eine Serie „Der Faschismus. Das zwanzigste Jahrhundert“ mit biographischen Angaben zu den wichtigsten Personen des dritten Reiches eröffnet werden.

Nachdem das Buch zwanzig Jahre hinter Schloß und Riegel lag und inzwischen in 15 Sprachen übersetzt wurde, erscheint in einem einheimischen Buchver-

ITAR-TASS

lag zum ersten Mal eine Lebensbeschreibung des Nazi-Führers, die als eine der besten anerkannt wird, äußerte der wissenschaftliche Konsultant des Verlages, Professor Pawel Rachschmire von der Universität Perm. Es sei paradox, daß in dem Land, das am meisten unter dem Faschismus gelitten hat, am wenigsten ernstzunehmende Informationen über diese historische Erscheinung vorhanden ist. Das Buch darf kritisiert werden, daß die Rolle des Monopole, die Hitler zur Macht brachten, ungenügend dargestellt ist. Die wahre Ursache aber dürfte nach Meinung des Professors darin begründet sein, daß sich die ofengelegten Machtmechanismen, mit denen die deutschen und die sowjetischen Herrscher regierten, sehr ähnlich. „In der Praxis des dritten Reiches sind die Methoden der kommunistischen Partei-Herrschaft deutlich erkennbar“, sagte der Professor.

ITAR-TASS

Sonntag, den 21. Oktober

Ich hörte von einer anderen großen Insel, die von den Indianern einmal Coiba und dann wieder Cubagua* genannt wird. Dort soll es nicht nur Überfluß an Gold, Perlen und Spezereien geben, sondern auch große Schiffe, die voll mit Waren beladen sind. Ich hoffe, daß sie nicht dem großen König Saometo ähneln.

In den letzten Tagen gingen heftige Regengüsse nieder, immer zwischen Mitternacht und dem Morgengrauen. Auch jetzt, da wir ausgefahren sind, um Cubagua zu suchen, ist der Himmel voller Regenwolken.

Wenn wir Cubagua gefunden haben, will ich nicht länger hier bleiben, sondern zum Festland vordringen, um die Stadt Qusai** zu erreichen, wo der Groß-Khan zu Hause ist. Ihm will ich den Brief der katholischen Majestäten übergeben und mit der Antwort nach Europa zurückkehren.

Sonntag, den 18. Oktober

Widrige Winde, Regengüsse und Gegenströmungen hemmten immer wieder unsere Fahrt nach Cubagua. Dafür schien die Sonne, als wir vor der Küste des großen Eiland Anker warfen. Sie vergoldete ein Bild, das ich kaum zu beschreiben vermochte: hohe Berge, welche mich an die Sizilien erinnern, fruchtbare Täler, Wiesen voll blühter Blumen, grüne Wälder, Insekten, die herrliche Flügeldecken entfalten, Vögel, die in allen Farben schillern. Ein breiter Strom, zu beiden Seiten von schattigen, Früchte tragenden Bäumen gesäumt, lud uns geradezu ein, die Insel zu erkunden. Wir fuhren etwa eine halbe Meile landeinwärts, dann stieg ich ans Ufer und nahm von der Insel Besitz. Ihr gab ich den Namen Juana.

Ich bin nicht sicher, daß ich nun endlich Cipango erreicht habe. Cipango — Cubagua: Auch einem Marco Polo kann ein Irrtum unterlaufen sein.

*Indianisches Wort für „Goldfundstätte“. Heutiger Name: Kubaba.

**Qusai ist das chinesische King-sse, d.i. Residenz. Heute: Hang-Aschou.

(Fortsetzung folgt)

Vermischtes

Ballonflug rund um die Erde

Drei mutige Männer aus Rußland und Amerika planen einen Ballonflug rund um die Erde.

Zum Kommando gehören der russische Kosmonaut Wladimir Dschabinbekow, der mit der Luftplontier-Medaille ausgezeichnete Amerikaner Larry Newmen sowie sein Landsmann Donald Moses. Der Start der internationalen Ballonmannschaft ist für November in der amerikanischen Stadt Reno (US-Bundesstaat Nevada) vorgesehen.

Die Besatzung ist reisefertig, sagte Dschabinbekow, der bereits fünfmal im Kosmos war. In einem ITAR-TASS-Gespräch, „Wir warten nur günstiges Wetter ab.“ So unterschiedlichen Männer vereine vor allem Wissensdurst, meinte der Chef der Ballonexpedition Larry Newmen während seines Aufenthaltes in Moskau. Zum zweiten aber auch allgemein menschliche Neugier. „Wir sind einfach Besessen.“

Experten warnen vor Seuchengefahr

Behälter mit Cholera- und Pesteregren sind aus der Affen-Versuchsstation der abchasischen Hauptstadt Suchumi entwendet worden. Die Experten warnen vor Seuchen, die ausbrechen würden, wenn die Viren in Wassersleitungen gelangen.

Die Versuchsstation gehörte dem Institut für experimentelle Pathologie der ehemals sowjetischen Akademie der Wissenschaften. Dort sollen erfolgreiche Forschungen für Aids-Impfstoffe betrieben worden sein. Nach Ausbruch des bewaffneten georgisch-abchasischen Konflikts wurde das Institut von Marodeuren geplündert. Neueste elektronische

sche Technik wurde gestohlen, die Dokumentation zerstört. Von den 3 000 Tieren ist auf der einst weltgrößten Affen-Versuchsstation kaum noch die Hälfte geblieben. Die Mitarbeiter des Instituts hätten versucht, die georgischen Gardisten am Diebstahl zu hindern. Als sie ihnen klar gemacht hatten, daß viele der Tiere infiziert sind, seien die Gardisten daran gegangen, die Affen zu töten.

Eine Kiste Wodka — für Privatisierungsscheck

In der Stadt T